

разумеется), обедняя нас новыми и все более многообразными желаниями, потребностями, вопросами и прочим в том же роде.

Таким образом, поскольку лишь для диалектики как сбалансированной релятивистской философии и метафора, и наука являются амбивалентными биполярными образованиями в полной мере, а не так, что какая-либо из «противоборствующих сторон» этих феноменов (рационально-объективная или иррационально-субъективная) либо постоянно преобладает, либо всегда уступает, только для нее метафора и наука (равно искусство и понятие) оказываются сопряженными и увязанными не «однобоко», а взаимно, то есть самым тесным органичным образом. Для емкого обозначения такой взаимосвязи и взаимодействия метафоры и науки, пожалуй, полностью подходит следующее тезисное положение: метафора научна, наука метафорична.

1. Аристотель. Об искусстве поэзии. М.: Гослитиздат, 1957.

2. Аристотель. Риторика // Античные риторики. М., 1978. С. 15–164.

3. Ницше Ф. Об истине и лжи во неморальном смысле // Филос. науки. 1997. № 1. С. 52–63.

4. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. М., 1990. С. 82–109.

5. Поппер К. Р. Что такое диалектика? // Вopr. философии. 1995. № 1. С. 118–138.

Е. А. Штеле
г. Омск

КОМУ НУЖНА ЛЖЕНАУКА?

Традиционно наука определяется как система знаний о закономерностях развития природы, общества и мышления, а также отдельная отрасль таких знаний. Данное определение можно содержательно дополнить, выделив главные характеристики научного знания, которые могут быть использованы как критерии научности. Во-первых, самой главной характеристикой является *истинность* знания: в конечном счете только истина ценна и может быть полезна. Во-вторых, наука — это *обоснованное* знание, причем обоснованы должны быть все элементы научной концепции как системы. В-третьих, научное знание не должно носить отпечаток характера, субъективных взглядов своего автора — оно *интерсубъективно и объективно*. В-четвертых, критерием является *универсальность* — выход науки на уровень всеобщих закономерностей, объяснение массы фактов исходя из небольшого коли-

чества базовых объяснительных принципов. В-пятых, немаловажным является *методологизм* — наличие специальных методов производства нового знания в науке. И, наконец, *прогрессизм*: наука — одна из тех сфер культуры, устойчивое развитие которых очевидно.

Возможно, к этому списку можно добавить что-то еще (в современной философии выделяют в качестве критериев научности знания проверяемость, возможность предсказания, потенциальную опровержимость, логическую организованность, критицизм и др.), но перечисленные моменты являются инвариантными. Теории, которые обладают внешними признаками научности (например, используют категориальный аппарат науки), но не отвечают этим критериям, оцениваются как околонаучные или лженаучные.

Но можно ли категорично провести эту границу? На протяжении всей истории науки ее сопровождала лженаука. Далеко не ясно, где обрывается ниточка, ведущая к истине, и набирает силу заблуждение. Иногда в определенный период времени очень трудно сказать, что есть лженаука, а что нет. Показательны в качестве примера гипотеза о флогистоне и теория жизненной силы, сохранявшиеся в науке веками. Идеи алхимии или астрологии, которые считались научными, оказались со временем ошибочными, но именно из них возникли науки — химия и астрономия. На любом этапе развития науки существуют факты, которые она не может объяснить.

Все это означает, что линия между наукой и лженаукой — нечеткая. Кто-то уверен, что лженауку можно отсечь, вооружившись показаниями здравого смысла. Другие убеждены, будто лженаука есть то, что противостоит фундаментальным законам природы. Третьи уповают на рациональность как демаркационный признак научности. Но крайне сложно обозначить сферу действия одного из этих оснований так, чтобы можно было получать однозначные оценки конкретных теорий.

Разграничение провести трудно, если использовать только гносеологические критерии научности. В связи с этим кажется разумным выдвинуть следующее предположение: размежевание по линии «научно — лженаучно» происходит не только в сфере логики мышления, на уровне здравого смысла или рационализма, но и в сфере *научно-этического*. Истинного ученого от лжеученого отличает не только то, что именно он утверждает, но и то, как он действует, как работает в науке. У настоящих ученых и псевдоученых разные цели, а следовательно, и пути к ним, и средства, которые на этих путях используются. Больших, великих, настоящих ученых отличают определенные моральные качества. В фи-

лософии науки неоднократно предпринимались попытки составить нравственный кодекс ученого, и наиболее известен кодекс Р. Мертона. Попытаюсь дать его интерпретацию, обрисовав нравственный идеал ученого.

1. *Универсальность.* Наиболее важным представляется мне следующий момент этого принципа Мертона: настоящие ученые — это творческие люди, способные оторваться от общепринятых взглядов, подняться над субъективным видением проблемы и ситуационным представлением.

2. *Незаинтересованность.* Служа науке, настоящие ученые живут ее интересами. Рядом с этим творческим поиском нет места меркантильности. Перед движением научной мысли останавливается забота о хлебе насущном. «Служенье муз не терпит суеты» — это в полной мере относится и к науке. Ученым не нужны деньги, слава, власть (по крайней мере, это все не является самоцелью). Их ум предан науке.

3. *Обобществление.* Настоящим ученым свойственна открытость. Они готовы делиться своими знаниями, опытом. После себя они оставляют учеников — продолжателей начатого дела, своих последователей.

4. *Критицизм.* Настоящий ученый относится к себе и своей деятельности без излишнего пиетета; он уважает авторитеты, но не преклоняется перед ними.

Но в жизни есть и другой тип ученого. Это, на мой взгляд, псевдоученый, или лжеученый. Лжеученые тоже специалисты в какой-либо научной отрасли. Но это люди, которые не служат науке, а стоят возле нее. Их жизнь не омрачена лишениями. Они имеют острый, живой ум, хорошо развитый интеллект, они активны и тоже по-своему преданы идее. Но при этом в первую очередь они стремятся продать свои знания обществу, заботясь о том, чтобы оплата была достаточно высокой. Речь не идет о том, что научный труд не должен достойно оплачиваться. Но для деятелей науки этого типа бесспорен приоритет материальных благ: они хотят славы, почестей, чинов, высокого общественного положения, так как это дает им возможность беспроblemного существования. У них своя шкала ценностей, поэтому они идут на компромиссы, если это выгодно, или, напротив, отстаивают ту или иную точку зрения в своих, а не научных интересах. В романе В. Д. Дудинцева «Белые одежды» подобная ситуация описана как нельзя лучше: «Рядно (реальный прототип Т. Д. Лысенко. — Е. Ш.) знал цену себе и своей науке. Он по 30-м годам — чистый враг народа, а он в президиумах, в газетах...».

У псевдоученых мало или совсем нет учеников, так как никто и пикогда не заставит их поделиться своим опытом, знаниями. Их знания закрыты и служат лишь для достижения определенных целей: деньги, комфорт, слава, власть и т. д. Эти люди — тупиковые веточки в науке, до истины, как правило, они не доходят.

Недостаток знаний компенсируется у лжеученых повышенной активностью, стремлением и умением добиваться поддержки во вненаучных кругах. Они всячески рекламируют себя, свои «открытия» и свои «теории», громогласно обвиняют «официальную» науку в косности, консерватизме, догматизме и т. д., не пренебрегая никакими средствами для того, чтобы привлечь к себе внимание.

Как правило, лжеученый декларирует решительную перестройку науки и ее практических приложений. Это диктуется определенными чертами характера — бесконтрольным самомнением, некритичностью, карьерными амбициями, фанатизмом, зачастую сочетающимся с недобросовестностью. На совещании по спорным вопросам генетики и селекции в 1939 году известный генетик Ю. Керкис спросил Т. Лысенко, почему у него и у его аспирантов все получается, а у других в Союзе и за рубежом не получается. «Для того чтобы получить определенный результат, — заявил на это «народный академик», — нужно хотеть получить именно этот результат, и если вы хотите — вы получите». Вот его типичное убеждение: «Мне нужны только такие люди, которые получали бы то, что мне надо». Псевдоученый не заинтересован в критике, и убедить его в чем-либо невозможно. Он стремится как можно шире рекламировать свою работу, противопоставляя научной критике поддержку во вненаучных кругах.

Псевдоученый несколько не смущается, когда его «ловят с поличным», а всякую критику в свой адрес изображает как попытку опорочить свое детище. Он старается окружить себя себеподобными «несостоявшимися гениями» и стремится создать как можно больше шума, многие годы не допуская объективной проверки своих теорий. Он привлекает сторонников, используя простые, яркие, броские и впечатляющие слова, факты и гипотезы, способные увлечь лишь малокомпетентных людей. Возможен и плагиат в самых разнообразных формах.

Говоря о лжеученых, нельзя упустить тот факт, что, идя к своей цели, они не останавливаются ни перед чем, становятся фанатиками своих идей и именно поэтому представляют большую опасность для общества. По оценке психолога Дж. Армстронга, более половины ученых готовы пристрастно защищать свою первоначальную гипотезу; они пламенно желают найти ей подтверждение,

по никак не опровергнуть, по терминологии К. Поппера, фальсифицировать ее. Видя несостоятельность своих теорий, они «подправляют» результаты своих исследований некоторыми нехитрыми способами. Некоторые случаи фабрикации данных и подлога получили большую огласку. Вот пример: У. Т. Саммерлин, врач-исследователь, руководитель лаборатории в престижном Институте Слоана Кеттеринга в Нью-Йорке, занимался пересадкой тканей и органов. Его работы получили известность. Саммерлин основывал эксперименты на предположении, что если пересаживаемый орган в течение суток выдерживать в питательном растворе, то это приведет к уменьшению вероятности его отторжения. 26 марта 1974 г. перед демонстрацией экспериментальных мышей руководству института он закрасил фломастером участки пересаженной кожи у двух белых мышей, чтобы добиться ее «более живого» вида.

Проблема экспансии лженауки актуальна в настоящее время в России. Положение российской науки, в том числе экономическое, ныне достаточно сложное. В период перестройки количество патентуемых открытий сократилось с 200 000 в 1980 г. до 30 000 в 1994 г., эффект от научных открытий снизился за это время в 6 раз, количество людей, занятых в науке, сократилось на одну треть. И в последние годы сохраняются кризисные тенденции в науке: ежегодно 5—6 тысяч наиболее квалифицированных ученых уезжают за границу, еще в 10 раз выше внутренняя утечка умов, безработица на 15 % выше среднего уровня, а скрытая безработица — на 50 %¹. Многие научно-исследовательские институты закрываются, сворачиваются исследования из-за нехватки денежных средств. В то же время, например, на торсионные генераторы в конце 80-х гг. было выделено около 500 млн рублей, которые должны были пойти тогда на обслуживание армии. Еще одна наболевшая проблема — астрология, в которую при поддержке СМИ вливаются ежедневно немалые суммы. Лженаука, таким образом, существует за счет подлинной науки и тех средств, которые могли бы быть направлены на ее поддержку. Исторический опыт свидетельствует о серьезности этой опасности: направление денежных средств в неперспективные отрасли ведет к отставанию в развитии науки и экономическом развитии страны. В 30-е годы выведенный вейсманистами-морганистами и забракованный в силу этой же причины Лысенко и его последователями морозоустойчивый сорт картофеля контумакс мог спасти страну от голода, унесшего жизни многих людей. Более свежий пример — организованная вице-президентом РАН, академиком Ю. А. Овчинниковым травля Г. Р. Иваницкого, Ф. Ф. Белоярцева и их коллег, трудившихся

над проблемой создания перфторана, — искусственного заменителя крови. Результатом развязанной антинаучной кампании была задержка продвижения в практику очень нужного медицине препарата, способного спасти жизнь десятков и сотен людей. Волею судьбы среди них оказался и сам академик Овчинников, скончавшийся вскоре после этих событий от рака крови.

Таким образом, лженаука стала очень острой проблемой в нашем обществе. Почему же она зачастую получает поддержку власти?

Принцип Питера (точнее, «кажущееся исключение № 3») гласит: «как сверхкомпетентность, так и сверхнекомпетентность может представлять угрозу для интересов иерархии» (а общество — это хорошо организованная иерархия). Для того чтобы остаться в состоянии стабильности, иерархия вынуждена отсекают как первых, так и вторых. Ее устраивают некомпетентные, умеренно компетентные и некомпетентные. Удивительно, но это многое объясняет. В нашем случае сверхкомпетентные — это настоящие ученые. На страже стабильности иерархии стоит власть. Если научные открытия ученого не мешают сохранению статус-кво, власть не вмешивается и даже поощряет ученых. Если же в результате научных открытий стабильность общества нарушается, тогда власть обрушивается на ученых всей своей мощью. А лженаука, в силу отсутствия внутренних принципов, легко трансформируется и приспособляется к установленным рамкам, поэтому в какие-то моменты лучше уживается с властью.

Возможно ли противодействие лженауке? Наиболее общим способом защиты от ее экспансии представляется упорядочение общественной жизни в целом, поскольку общественное сознание обращается к вненаучному знанию в эпохи кризиса, неустроенности, в поисках чуда. Кроме того, важно восстановление системы научной регуляции и научной экспертизы, а также определенного контроля за деятельностью СМИ со стороны общества. Дж. Холтон подчеркивает необходимость формирования у людей уже с раннего возраста рационалистической картины мира, которая поможет нейтрализовать влияние лженауки. Этот путь предполагает не только включение ребенка в здоровую образовательную систему, подчиненную такой задаче, здесь нужна также активная поддержка родителей, наставников и учителей, которые, в свою очередь, должны обладать соответствующей подготовкой.

¹ Статистические данные приводятся по: Юревич А. В. Неравное неравенство: расслоение российского научного сообщества // Науковедение. 2002. № 3. С. 57 — 74.